
Философско-методологические проблемы

МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В.А. МАЗИЛОВ

Мазиллов Владимир Александрович — заведующий кафедрой Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, доктор психологических наук, профессор. Область научных интересов: философия психологии, методология и история психологии.

Основные работы: «Теория и метод в психологии» (1998), «Психология на пороге XXI века: методологические проблемы» (2001), «Методология психологической науки» (2003), «Стены и мосты: методология психологической науки» (2004), «Методологические проблемы психологии» (2006).

Контакты: mazilov@yspu.yar.ru

Резюме

Анализируются тенденции в развитии методологии психологической науки. Утверждается, что методология психологии имеет конкретно-исторический характер. На современном этапе развития психологии на первый план выходит разработка интегративной методологии — общей методологии психологии как непротиворечивой концепции, трактующей проблемы предмета, метода, факта, объяснения, теории в их взаимосвязи. Предложены подходы к разработке интегративной методологии психологической науки.

Методология психологической науки в настоящее время представляет собой интенсивно и динамично развивающуюся область психологического знания. В середине 90-х годов XX столетия в отечественной

психологии отмечались многочисленные попытки ограничить, редуцировать роль методологии. Дело доходило до призывов вообще отказаться от методологии (на том основании, что методология отождествлялась с

ее философским уровнем, а последний, в свою очередь, с марксизмом-ленинизмом), более «мягкие» варианты редукции методологии были связаны (под явным влиянием американской психологии) со сведением ее к чисто технической дисциплине, трактующей процедуры планирования и проведения экспериментального (или квазиэкспериментального) исследования. Предпринимались попытки ограничить методологию важными, но отнюдь не исчерпывающими ее содержание вопросами, к примеру, проблемой объяснения в психологии. Наконец, высказывалось мнение, что методологические проблемы должны решаться ученым в ходе конкретного исследования, и, следовательно, методология психологии как самостоятельная концепция не нужна. В последние годы методологические разработки становятся все более популярными, регулярно публикуются новые исследования и учебные пособия по данной проблематике. Достаточно назвать известные работы В.М. Аллахвердова, Ф.Е. Василюка, Т.В. Корниловой, С.Д. Смирнова, А.В. Юревича и др. С 2003 г. в Ярославле регулярно проходит ежегодный методологический семинар, посвященный обсуждению методологических вопросов психологии; с 2006 г. издается специальный научный журнал по проблемам методологии психологии («Методология и история психологии»). В самое последнее время наблюдается своего рода методологический «бум»: в периодических изданиях и сборниках научных трудов публикаций по методологической проблематике становится очень много. Все это свидетельствует о том, что в совре-

менной отечественной психологии интерес к разработке методологических вопросов неуклонно возрастает и все большее число авторов считает необходимым поделиться с коллегами результатами своих методологических изысканий. Это не может не радовать, так как интенсивные методологические поиски обычно предшествуют существенным прорывам в содержании научных исследований.

Задачей настоящей статьи является обсуждение вопроса о том, в каком направлении может развиваться методология психологической науки в настоящее время.

Обратим внимание на следующее обстоятельство. При обсуждении вопроса о том, что должна представлять собой методология психологии сегодня, полезно различать собственно *методологические концепции и методологические исследования*, с одной стороны, и *учебный предмет* (и соответствующую *учебную литературу* по методологической проблематике), с другой. Последний имеет выраженную специфику, определяющуюся требованиями Государственного образовательного стандарта, выделяемыми дидактическими единицами и т. д., значительная часть литературы по методологии психологии представляет собой учебные пособия по этой дисциплине. Нас в дальнейшем будет интересовать методология психологии как раздел науки, рассматривающий принципы и способы организации и построения деятельности. Напомним, что традиционный подход определяет методологию как систему «принципов и способов организации и построения теоретической и практической деятельности, а также учение об этой системе»

(Спиркин и др., 1989, с. 359). Это определение воспроизводится в ряде современных психологических словарей применительно к методологии психологии. Основные проблемы содержательной методологии обычно представляются так: структура научного знания вообще и научной теории в особенности; законы порождения, функционирования и изменения научных теорий; понятийный каркас науки и ее отдельных дисциплин; характеристика схем объяснения, принятых в науке; структура и операциональный состав методов науки; условия и критерии научности (Спиркин и др., 1989, с. 359).

Обратим внимание на то обстоятельство, что, как свидетельствует история науки, психологи очень редко бывают довольны качеством методологии своей науки. С 70-х годов XIX столетия психология находится в состоянии перманентного методологического кризиса и достаточно часто в качестве рекомендации предлагается разработать *новую* методологию (см. об этом подробнее: Мазиллов, 2006). К примеру, Л.С. Выготский писал в 1926 г.: «Возможность психологии как науки есть методологическая проблема прежде всего» (Выготский, 1982, с. 417). Принципиально важным вопросом в такой ситуации является следующий: какой должна быть *новая методология*? Заманчиво дать ответ в той форме, в какой это сделал сам Л.С. Выготский: «Какая будет эта методология и скоро ли она будет, мы не знаем, но что психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно» (Выготский, 1982, с. 422–423). Как хорошо из-

вестно, сам классик психологии вторую часть своего знаменитого методологического исследования (Выготский, 1982) так и не написал, а ограничился отдельными замечаниями по поводу новой методологии: это должна быть «общая психология», «алгебра психологии», «диалектика психологии», совокупность «принципов и “опосредующих теорий”, “критики” психологии» (Выготский, 1982, с. 420–421). «Нужна методология, т. е. система посредствующих, конкретных, примененных к масштабу данной науки понятий» (Выготский, 1982, с. 419). Так было в 20-е годы прошлого столетия. Не является исключением и нынешняя ситуация в психологии. Призывы «ликвидировать» методологию психологии, редуцировать ее или существенно ограничить остались в прошлом. В настоящее время актуален вопрос: какой быть новой или обновленной методологии?

Прежде, чем обсуждать, какой должна быть новая (или обновленная) методология, полезно вспомнить, какой была старая (советская) методология. Конечно, было бы неоправданным упрощением полагать, что методология отечественной психологической науки была единой. Существовали традиции разработки методологии на исторической основе, заложенные еще в работах Н.Н. Ланге, В.Н. Ивановского, Л.С. Выготского. В советской психологии работали замечательные ученые, которые, несмотря на идеологический прессинг, разрабатывали важнейшие методологические положения. Методологические работы классиков советской психологической науки (С.Л. Рубинштейна,

А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева, П.Я. Гальперина, А.Р. Лурии, М.С. Роговина, А.А. Смирнова, Б.М. Теплова, Д.Н. Узнадзе и др.) никоим образом не утратили своего значения (подробнее об этом см.: Мазилев, 1998, 2003). Анализу методологических вопросов психологии были посвящены известные работы К.А. Абульхановой, Н.Г. Алексева, А.В. Брушлинского, В.В. Давыдова, В.П. Зинченко, А.А. Леонтьева, Б.Ф. Ломова, А.В. Петровского, С.Д. Смирнова, Э.Г. Юдина, М.Г. Ярошевского и др.).

В данном случае для нас важно отметить то общее, что было характерно для методологии психологической науки в советскую эпоху.

Было распространено представление о методологии. Чаще всего (вслед за В.А. Лекторским и В.С. Швыревым) выделялись философский, общенаучный, конкретно-научный и методический уровни. В качестве философского уровня выступала марксистско-ленинская философия (диалектический и исторический материализм). Этот уровень был идеологизированным, что накладывало определенные «рамки» на возможности психологического исследования. Разрабатывался этот уровень философами, психология использовала результаты таких разработок. Психологическая методология была вынуждена «вписываться» в «рамки» методологии философской. Философия диалектического и исторического материализма выступала также основой для общенаучного уровня (законы и категории диалектики). Этот уровень был «обязательным» по идеологическим соображениям, без него обойтись было просто невозможно.

Общенаучный уровень вытекал из «философского». Здесь также содержались определенные «ограничения» для развития психологической науки. Дело в том, что общенаучный уровень методологии разрабатывался по стандартам естественных дисциплин. На наш взгляд, существенным препятствием для разработки психологией собственной методологии являлась ориентация на те методологические установки, которые сложились в философии науки на основе реализации естественнонаучного подхода, претендующего на статус общенаучного. Такой подход не учитывал специфики психологии и уникальности ее предмета. Нельзя не согласиться с позицией Л. Гараи и М. Кечке, в соответствии с которой бесперспективны попытки построить *всю психологию* на «герменевтической» логике исторических наук, поскольку на язык герменевтической психологии невозможно перевести наработки естественнонаучной психологии (Гараи, Кечке, 1997). Попытки решить вопрос «силовым» путем за счет «логического империализма» естественнонаучной или герменевтической парадигмы к приемлемому результату, как убедительно показала история психологии XX столетия, не привели. Сегодня совершенно ясно, что ни к чему, кроме углубления кризиса в психологии, подобная конфронтация привести и не может. В таких условиях становится чрезвычайно актуальной разработка такой общепсихологической методологии, которая предполагала бы возможность взаимного соотнесения психологических концепций, исходящих из различного понимания предмета психологии.

Наибольший интерес (для психологов), естественно, вызывала собственно психологическая методология (соответствующая конкретно-научному уровню). Ее обычно представляли через совокупность методологических принципов (детерминизма, единства сознания и деятельности, развития, системности и т. д.). Конкретным воплощением психологической методологии обычно выступал деятельностный подход: методологический анализ категории деятельности представлял парадигму, в которой должна была работать отечественная психология. Еще раз подчеркнем, что подобное представление является схематичным, но оно в целом отражает характер методологических разработок отечественной психологии в советский период.

Вернемся к сегодняшним представлениям о том, какой должна быть методология современной психологии. По этому поводу в последние годы сложилось несколько различных позиций. Рассмотрим их более подробно.

Первую позицию можно условно определить как *радикальную*. Она состоит в том, что старая методология не годится совершенно, поэтому необходимо разрабатывать новую методологию, соответствующую современным задачам психологии. Примером реализации первой позиции являются работы И.П. Волкова. По И.П. Волкову, под методологией следует понимать «непротиворечивую, логически цельную систему философских и теоретических принципов, отражающих понимание сущности психики как основного предмета исследований в психологии и управляющих на основе этой гносеологи-

ческой конструкции мыслями и действиями психологов в их научных исследованиях и в научно-практической, в том числе педагогической, профессиональной деятельности» (Волков, 2003, с. 81). Такой методологии в настоящее время пока еще нет, она находится в состоянии становления. И.П. Волков отмечает, что «состояние научной психологии действительно достойно ее несостоятельной методологии, порожденной не просто наукой или обществом, а сознанием психологов. Отказаться от старой марксистской методологии было легко, но вот создать новую методологию ох как трудно: разрушать всегда легче, чем строить» (Волков, 2003, с. 81).

Вторую позицию можно определить как *консервативную*. Она состоит в том, что методологические функции вполне успешно выполняла традиционная методология. О наличии такой позиции можно судить по тем положениям, которые составляют содержание методологии психологии в представлении автора той или иной работы. В качестве примера приведем работу В.И. Тютюнника. «Методология — область научной деятельности, в ходе которой изучаются и применяются общие и частные методы научных исследований, а также принципы подхода к определению предмета, объекта и методов исследования действительности и к решению целого класса исследовательских задач» (Тютюнник, 2002, с. 8). В методологии выделяются четыре уровня (уровень философской методологии; уровень общенаучных диалектических принципов; уровень частных научных методов; уровень конкретной

методики и процедуры исследования (Тютюнник, 2002, с. 9). Уровень философской методологии представлен основными законами и категориями диалектики как науки о наиболее общих законах развития природы, общества и человеческого познания. Основные законы диалектики: закон единства и борьбы противоположностей; закон отрицания и закон перехода количественных изменений в качественные. Основные категории диалектики: сущность и явление; содержание и форма; причина и следствие; возможность и действительность; единичное, всеобщее и особенное; свобода и необходимость; необходимость и случайность; качество и количество; мера. Уровню общенаучных принципов соответствуют: принцип восхождения от абстрактного к конкретному и наоборот; принцип единства исторического и логического; принцип единства логики, диалектики и гносеологии; принцип относительности; принцип дополнительности; принцип системности. Таким образом, можно видеть, что уровень философской методологии рассматривается в работе В.И. Тютюнника в традиционном ключе. Для этого, заметим, вполне достаточно оснований, так как в советской психологии, которая, как хорошо известно, базировалась на такой философской методологии, было много замечательных достижений.

Третья позиция может быть охарактеризована как *умеренная*. Состоит она в признании того, что старая методология во многом непригодна в новых условиях, но при формировании основ новой методологии необходимо учитывать и использовать накопленные наработки. Здесь

(впрочем, как и всегда в подобных случаях) наблюдается достаточно широкий диапазон расхождений во взглядах: одни авторы тяготеют к радикализму, другие — к консерватизму.

Как нам представляется, весьма полезно прислушаться к мнению одного из классиков отечественной психологии — В. П. Зинченко. Обращаясь к анализу методологии отечественной психологии, он отмечает, что «методология была связана не столько с теорией и философией, сколько с идеологией, находившейся над всем. Последняя была крайне агрессивна, претенциозна и самозванна» (Зинченко, 2003, с. 98). В отечественной психологии были сформулированы методологические принципы, которые сохраняются в виде недостаточно отрефлексированных схематизмов профессионального сознания. «Беда в том, что они излагаются именно в форме постулатов, а не проблем, что сковывает свободу мысли и исследования» (Зинченко, 2003, с. 98–99). В.П. Зинченко предпринимает детальный анализ методологических принципов (постулатов), которые составляли ядро методологии отечественной психологической науки: принципа системности, принципа детерминизма, принципа отражения, постулата о рефлекторной природе психики, принципа деятельности, принципа единства сознания и деятельности, постулата социальности (личность есть совокупность всех общественных отношений). Он приходит к выводу, что налицо «недостаточность, а то и неполноценность, неадекватность так называемых методологических принципов советской психологии. Иначе и не могло быть, поскольку навязываемая

«самозванцами мысли» идеология выполняла служебные функции контроля за развитием науки и имела средства направлять это развитие в нужном направлении (хотя что такое "нужное направление" никому, кроме самих ученых, не может быть ведомо). Но, как известно, на всякого мудреца довольно простоты. Ученые, лукаво прикрываясь идеологическими стандартами и штампами, обеспечивали себе хотя бы относительно безопасные условия для развития науки. И нужно сказать, что такую защитную функцию методология выполняла, если не становилась самоцелью» (Зинченко, 2003, с. 114). В.П. Зинченко заключает: «Жизнь сложна. И мы меньше всего склонны призывать к ее упрощению. Его предела, кажется, уже достигла методология, которая, к несчастью, претендовала и на роль теории... Абсолютизация любого методологического подхода препятствует теоретической работе. Например, системный подход выдавался за последнее слово именно в теории психологии, и тем самым он мог породить только бессистемную эмпирию. Но теоретическая работа шла как бы под сурдинку методологии и для ее выявления нужно проведение специальной работы» (Зинченко, 2003, с. 115). Нельзя не согласиться с таким суждением: «Едва ли целесообразно призывать к полному разоблачению методологических мифов. Прямая борьба с догматами бессмысленна. Более уместна их конструктивная критика, ограничение их влияния, выдвижение разумных оппозиций. В итоге они сами постепенно сойдут со сцены или трансформируются из непреложных постулатов и принципов в

возможные подходы. Другими словами, некоторые из методологических принципов займут скромное место научных и методических подходов» (Зинченко, 2003, с. 100).

Важным также представляется вопрос, касающийся соотношения понятий «методология психологии» и «теория психологии». В недавней работе этих вопросов касался один из старейших отечественных психологов Г.В. Телятников (Телятников, 2004). Он подчеркивает, что разработка теоретических проблем психологии неразрывно связана с соотношением методологии и теории. «Объясняется это целым рядом обстоятельств. В последнее время в отечественной психологической науке идет процесс демонополизации марксистской методологии. В то же время имеет место отставание теоретической психологии от экспериментальной и практической психологии. Продолжающееся в литературе смешение методологии и теории, методологических и теоретических проблем науки мешает их решению» (Телятников, 2004, с. 5). Г.В. Телятников отмечает, что сегодня необходимо усиление внимания к методологии.

Согласно Г. В. Телятникову, методология как учение о методах познания и практики, как теоретическое обоснование методов и их применения существует не сама по себе (это относится и к методу). «Она является методологией по отношению к какой-либо или каким-либо наукам, теориям. Она живет в процессе познания, практики. В качестве методологии выступает наука, теория, положениями которой руководствуются в этом процессе. Нельзя абстрактно сказать: «Это — методология, а это —

не методология». Говоря, что это — методология, важно видеть, что это методология по отношению к каким-то определенным наукам» (Телятников, 2004, с. 5).

Г.В. Телятников формулирует критерии выполнения наукой, теорией роли методологии, т. е. методологической функции:

«Во-первых, большая степень обобщения по отношению к другим наукам: всем или региону (группе) наук.

Во-вторых, возможность использования законов и принципов данной науки, теории как более общих и действующих в других науках.

В-третьих, применение ее понятий путем наложения ограничений, обусловленных спецификой других наук.

В-четвертых, включение с соответствующей трансформацией ее методов в систему методов других наук» (Телятников, 2004, с. 5).

Г.В.Телятников приходит к следующему выводу: «Таким образом, соотношение методологии и теории психологических наук заключается в следующем:

– только хорошо разработанная теория высокого уровня, большой степени обобщения может выполнять роль методологии психологических наук;

– четкое разграничение методологии и теории, методологических и теоретических проблем психологии дает возможность более эффективного развития теории психологических наук и решения их теоретических проблем» (Телятников, 2004, с. 9).

Очень важно подчеркнуть, что необходимо различать собственно

методологию психологии и теорию психологии. Несомненно, что методология не должна подменять собой теорию и что те или иные психологические теории могут иметь методологическое значение и выступать в качестве методологии при осуществлении конкретного психологического исследования. Но должна существовать собственная методология психологической науки в узком смысле, обеспечивающая выполнение определенных функций.

Мы полагаем, что дискуссии по поводу методологии психологической науки во многом связаны с эмоциональными оценками («методологическими эмоциями», по А. В. Юревичу). Конечно, если идеология пытается подменить собой науку, это плохо и совершенно недопустимо. Вместе с тем вряд ли стоит отрицать, что к психологии применимы общие стандарты научного мышления и логики научного познания. Поэтому философский и общенаучный уровни методологии, задающие общие правила рассуждения, обоснования, доказательства, несомненно, должны присутствовать в сознании научного психолога. Но наиболее важными для психологии все же являются собственно психологические методологические представления, *собственная методология психологии*. Подчеркнем, что крайне опасно полагать, что для психологии безоговорочно подходят разработки, полученные на материале естественных наук. Очень часто делаются обобщения, представляющиеся совершенно неоправданными (ибо за ними не стоят конкретные специальные исследования), согласно которым естественнонаучные стандарты распространяются на

область всей психологии. Этот уровень собственно психологической методологии (как нам представляется, важнейший среди всего методологического психологического знания) подменялся в советской психологии набором принципов и постулатов, о которых писал в цитированной выше работе В. П. Зинченко. Можно согласиться с В.П. Зинченко, что абсолютизация принципов неперспективна. Вместо «приговаривания» принципов методологии стоит обратить более пристальное внимание на разработку проблем предмета, метода, объяснения в психологии, обеспечение интеграции психологического знания и др.

Методология психологической науки пока еще не является устоявшейся, сформировавшейся теорией. Напротив, методология психологии представляет собой (и, по-видимому, должна в обозримом будущем представлять) совокупность идей, понятий, принципов, схем, моделей, концепций и т. д., и в каждый момент времени на первый план выходят те или иные ее аспекты. И если перед психологией встают новые задачи, то и методология должна осуществлять соответствующую проработку, создавая новые методологические модели. Иными словами, методология психологии имеет конкретно-исторический характер.

Приступая к циклу методологических исследований и намечая контуры новой методологии психологической науки, мы отмечали (Mazilov, 1997), что, вероятно, она должна складываться из следующих составляющих, соответствующих трем основным группам задач, стоящих перед этой областью знания:

Когнитивной (познавательной) методологии, описывающей принципы и стратегии исследования психического.

Коммуникативной методологии, обеспечивающей соотношение различных психологических концепций и реальное взаимодействие различных направлений и школ в психологии.

Методологии психологической практики (практико-ориентированной психологии).

Когнитивная (познавательная) составляющая — традиционная для классической методологии сфера интересов: проблема предмета психологии, соотношение теории и метода в психологии, структура научного знания в области психологии, структура научной теории в психологии, особенности порождения, функционирования психологических теорий, особенности понятийного аппарата психологической науки, характер объяснения в психологии, структура и операциональный состав методов, применяемых в психологии, условия и критерии научности, соотношение научного и вненаучного знания и т. д.

Коммуникативная составляющая представляет собой нетрадиционную сферу методологии психологической науки. Коммуникативная составляющая призвана помочь нахождению взаимопонимания как «внутри» научной психологии, так и в психологии в целом. Смысл коммуникативной составляющей методологии — в соотношении (в первую очередь в разработке инструментария, аппарата такого соотношения) теорий разного уровня и разных методологических ориентаций и подходов.

Практическая составляющая — область методологии, которая начинает складываться сейчас на наших глазах. В нашем обществе происходит бурный расцвет практической психологии: в образовании, в медицине, в бизнесе. Востребованность психологических знаний велика. И совершенно ясно, что и по задачам, и по методам, и по содержанию самого психологического знания практическая психология — это особая область. Деятельность психолога-практика, ее методология — важный блок «практической» составляющей. Принципы разработки различных психотехник и психотехнологий — не менее актуальный «модуль», не получивший пока необходимой разработки. Практическая психология возникает на других основаниях: в отличие от традиционной научной психологии она имеет «объектную», а не «предметную» ориентацию, она более «антропологична», по терминологии П. Фресса.

Это было необходимым первым шагом, направленным на реформирование методологии психологии. За истекшее десятилетие многое изменилось, появилось множество работ разных исследователей, в которых были получены важные результаты как в области когнитивной методологии, так и в методологии психологической практики и коммуникативной методологии (Мазилев, 2007).

Но вместе с тем обнаружилось, что разработка *отдельных* вопросов методологии (даже таких воистину судьбоносных для психологии, как

проблема предмета, метода, объяснения и т. д.), взятых изолированно, не позволяет принципиально изменить ситуацию в методологии. Это привело к выводу, что методологические проблемы должны решаться в комплексе, что ставит на повестку дня разработку *интегративной методологии*. Под интегративной методологией понимается общая методология психологии как непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, факта, объяснения, теории в их взаимосвязи¹. Вне учета такой взаимосвязи не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Прогресс в разработке тех или иных методологических вопросов приводит к необходимости возвращения на новом уровне к новому анализу уже обсуждавшихся вопросов. Это предполагает наличие некоторой общей модели, что мы и называем интегративной методологией (или концепцией общей методологии психологии). Интегративная методология предполагает построение общей методологической концепции, в которую должны быть включены методологические концепции предмета психологии, ее метода, психологической теории, психологического факта, объяснения.

Разработка интегративной методологии психологии представляет собой чрезвычайно сложную задачу, требующую значительного времени

---

¹Специально подчеркнем, что разработка интегративной методологии не самоцель, необходимость ее разработки диктуется исключительно перспективами методологических исследований.

и усилий. В этой связи возникает важнейший вопрос: может ли быть предложена в настоящее время какая-то модель, какую можно рассматривать в качестве основы при попытках разработки интегративной методологии? Очевидно, что интегративная методология психологии должна удовлетворять следующим требованиям: 1) должна быть достаточно широкой, т. е., как минимум, включать в себя основные компоненты методологии (предмет, метод, теория, факт, объяснение); 2) должна иметь достаточно универсальный характер, т. е. должна быть приложима к широкому кругу психологических концепций; 3) должна соответствовать реалиям психологического исследования.

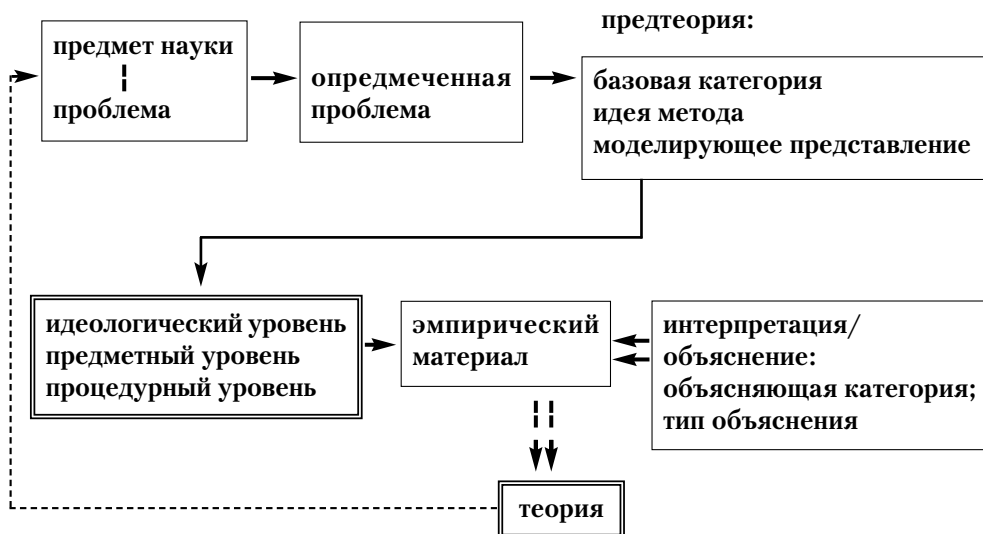
Как нам представляется, в качестве исходной модели может быть предложена схема соотношения теории и метода в психологии (Мази-

лов, 1998, 2001). Она и включает названные компоненты и имеет универсальный характер. Эта модель характеризует структуру психологического исследования в его целостности. Модель неоднократно публиковалась, что избавляет нас от необходимости ее подробного описания (Мазилов, 2001, 2003) (см. рис. 1).

Модель была получена на основе историко-методологического анализа, а в дальнейшем был показан ее универсальный характер. В частности, историко-методологическое исследование показало, что эмпирические методы имеют выраженную обусловленность со стороны исходных теоретических представлений. В частности, обнаружилось, что структура интроспекции как эмпирического метода определяется исходными представлениями исследователя об изучаемом явлении. Эмпирические методы использовались в различных

Рис. 1

Модель соотношения теории и метода в психологии

модификациях (В. Вундт, Ф. Brentano, У. Джемс, О. Кюльпе, Э. Титченер, Н. Ах и др.), в которых сочетаются инвариантность и вариативность. Дать объяснение этому феномену позволило представление об *уровневом строении метода*. Необходимо различать теорию как результат научного исследования и *предтеорию* как комплекс исходных представлений, предшествующих эмпирическому изучению и направляющих исследование. Могут быть выделены следующие компоненты предтеории: *идея метода, базовая категория, моделирующее представление, организующая схема*. Любое исследование начинается с *проблемы*. Проблема предполагает выделение *предмета исследования*. В психологии предмет исследования тесно связан с трактовкой *предмета психологии* в целом. Поэтому в психологическом исследовании реально имеют дело с *опредмеченной проблемой*. В психологии возможно несовпадение декларируемого предмета и реального предмета. Проблема, которая будет исследоваться, должна быть конкретизирована. Конкретизация происходит в двух направлениях: в проблеме необходимо увидеть именно психологический феномен, она должна «опредметиться». Другая важная конкретизация проблемы происходит тогда, когда *опредмеченная проблема соотносится с моделирующими представлениями*. «Мышление», например, представляет собой абстракцию, которую невозможно изучать, для этого оно должно во что-то «воплотиться». Это «воплощение» и есть моделирующие представления: решение задачи, соотношение понятий, понимание вы-

ражений, построение умозаключения и т. д. Определенность проблемы (иными словами, латентное присутствие определенной трактовки предмета психологии) определяет *идею метода* (если, например, исследователь исходит из того, что реальный предмет — непосредственный опыт, он, несомненно, будет стремиться использовать метод самонаблюдения в той или иной форме). Выбор формы метода связан с дальнейшими уточнениями. Дальнейшее уточнение состоит в выборе *базовой категории*. Базовая категория определяет общую ориентацию исследования. В качестве базовых категорий, как показали исследования, выступают понятия *структура, функция, акт, процесс*. На более поздних этапах развития психологии к этим базовым категориям добавляются две другие: *генезис и уровень*. Базовая категория определяет тип организующей схемы. Организующая схема — способ организации исследования, которое может быть направлено на раскрытие структуры, функции изучаемого явления или на выявление его процессуальных характеристик.

Эмпирический метод выступает как зависимый от предтеории. В структуре предтеории представлена *идея метода*, которая, в свою очередь, определяется пониманием предмета науки. Если предмет науки — сознание или внутренний опыт, то *идея метода*, его принцип, определяется через внутреннее восприятие, самонаблюдение. Это означает, что если в данном исследовании будут использоваться другие методы, например, эксперимент, то они будут выступать исключительно в роли вспомогательных, дополнительных,

лишь создающих оптимальные условия для внутреннего восприятия. Идеи метода недостаточно, чтобы охарактеризовать метод психологического исследования в целом. Одна и та же идея метода может воплощаться в существенно различающихся вариантах метода. Метод представляет собой сложное образование, имеет уровневую структуру, причем различные уровни связаны с различными компонентами предтеории.

Можно говорить, по меньшей мере, о трех уровнях метода. На первом уровне метод выступает как идеологический, т. е. на этом уровне выражается общий принцип («идея») метода. Этот уровень, в основном, определяется идеей метода как компонентом структуры предтеории, который, в свою очередь, детерминирован пониманием предмета психологии. На втором уровне метод проявляется как предметный. На этом уровне определяется, что именно будет этим методом изучаться. Скажем, метод интроспекции может быть направлен на выделение содержания опыта, на фиксацию актов и т. п. Этот уровень определяется таким компонентом предтеории, как «базовая категория» — «организационная схема»: понятия «структура», «функция» или «процесс» определяют в конечном счете содержание метода, т. е. какой именно психологический материал будет фиксироваться и описываться. На третьем уровне метод выступает как процедурный, операционный. Любой метод в конечном счете может быть охарактеризован и описан как последовательность или совокупность конкретных процедур. Этот уровень в основном определяется таким ком-

понентом предтеории, как моделирующие представления. Они определяют не только последовательность действий исследователя и испытуемого, специфические приемы, используемые для того, чтобы фиксировать необходимый психический материал, но и выбор стимульного материала. К этому уровню (например, в случае использования метода интроспекции) могут быть отнесены такие специфические технические приемы, которые обеспечивают развернутые подробные показания (использование элементов ретроспекции, активный опрос испытуемого, деление на этапы, стадии, фракции и т. п.) или обеспечивают улучшение восприятия испытуемым переживаний (повторение переживаний, возможность бессознательного опознания, метод перерыва, парциальный метод, метод замедления и т. д.).

Единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится ясно, почему в одном случае используется, к примеру, «структурный» вариант самонаблюдения, нацеленный на выделение и описание элементов психического явления, тогда как в другом случае используется «функциональный» вариант самонаблюдения. Наличие уровней в структуре метода позволяет по-новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода.

Применение того или иного метода позволяет получить эмпирический

материал. Описание как функция и задача науки в психологических концепциях периода становления психологии как самостоятельной дисциплины может быть представлено следующим образом. Полученный эмпирический материал подлежит *интерпретации*. Первоначально интерпретация предполагает упорядочение данных посредством интерпретирующей категории. Производной от интерпретирующей категории является интерпретационная (объяснительная) схема. В качестве таковых выступают на первых этапах те же самые категории: структура, функция и процесс. В таких случаях протоколы опыта «редактируются» (по удачному выражению психологов Вюрцбургской школы). Интерпретация здесь фактически сводится к тому, что эмпирические данные упорядочиваются в направлении, заданном интерпретирующей категорией. На ранних этапах развития психологии как самостоятельной науки базовая категория и интерпретирующая категории совпадают. В этом случае продуктом интерпретации является описание. Его в психологии рассматриваемого периода называют теорией. Если ставится задача объяснения, то возможны варианты: первый — объяснение за счет обращения к физиологии. Второй вариант состоит в том, что, кроме интерпретации посредством категории, совпадающей с базовой, дополнительно происходит реинтерпретация посредством другой категории. Реально объяснение ограничивается декларативным указанием на возможность объяснения (объяснения в действительности не происходит). На более поздних эта-

пах появляется собственно объяснение.

Особый интерес в плане интересующей нас темы представляет тот вариант, когда в качестве интерпретирующей категории выступает категория «процесс». Фактически происходит интерпретация материала, полученного исходя из одной категории (структура) посредством другой (процесс). Этот случай чрезвычайно важен, так как позволяет сформулировать гипотезу о происхождении теоретического метода. В работе Н. Аха (Ach, 1905) протоколы экспериментов, полученные в результате использования метода систематического экспериментального самонаблюдения, интерпретируются с позиций теории детерминирующей тенденции (как процессуальной характеристики мышления). Этот вариант представляет собой модель возникновения теоретического психологического метода. Этап интерпретации в этом случае «отделяется» от собственно эмпирического исследования и тем самым создается возможность использовать психологический анализ (теоретический, поскольку в основе в данном случае лежат представления о процессе) применительно к любому материалу (фактам эмпирического исследования, явлениям повседневной жизни, «сконструированным» фактам и т. д.). Таким образом, происходит переход от *интерпретации* к *способу обращения с темой*. В данном случае мы имеем дело с научным методом, который отличается от философского умозрительного, в первую очередь, тем, что является производным от эмпирического научного метода, можно сказать, основан на

нем. Тем самым сохраняется предметная специфика, что является своего рода «подтверждением правомерности» подобной процедуры. Вместо интерпретирующей схемы может использоваться объясняющая.

Методологическое исследование позволило разработать модель соотношения теории и метода. На самых первых этапах, когда концепции носят конституирующий, основополагающий характер, соотношение является линейным, а цикл представляется законченным: предтеория — метод — теория. Дальнейшее развитие приводит к тому, что окончание цикла становится лишь промежуточным этапом, поскольку инициирует новый цикл: предтеория — метод — теория — предтеория-1 — метод-1 — и т. д. Примером такого соотношения в анализируемый исторический период является работа психологов Вюрцбургской школы.

Таким образом, опираясь на разработанную модель соотношения теории и метода в психологии, возможно разработать интегративную методологическую модель, позволяющую реально учитывать взаимодействие между различными составляющими аппарата методологии. Мы не будем специально останавливаться на других характеристиках предлагаемой модели. Отметим лишь, что единство теории и метода достигается за счет того, что теория как результат исследования и метод как средство осуществления исследования имеют общие корни, которые могут быть обнаружены в предтеории (отдельные компоненты предтеории определяют различные уровни метода). Отсюда становится

ясно, почему в одном случае используется один вариант метода, тогда как в другом случае используется иной, и почему один и тот же метод может иметь совершенно различные характеристики в глазах разных исследователей. Наличие уровней в структуре метода позволяет по-новому подойти к проблеме инвариантности и вариативности метода и т. д.

Как нам представляется, на основе предложенной модели становится возможной разработка интегративной методологии. Интегративная методология психологии представляет собой прообраз новой общей методологии психологической науки. Отметим, что необходимость создания общей методологии вытекает из того, что разработка отдельных вопросов методологии наталкивается на существенные трудности. В рамках целостной модели эти отдельные вопросы трактуются совершенно по-иному. В рамках такой модели становится очевидным, что метод, к примеру, должен рассматриваться непременно как имеющий уровневое строение, что между предтеорией как системой исходных представлений исследователя и теорией как результатом научного поиска существуют совершенно определенные отношения, что трактовка предмета психологии обязательно (через предтеорию) представлена в рамках этой модели и т. д.

По нашему мнению, такое понимание методологии будет способствовать дальнейшей продуктивной разработке конкретных методологических проблем и вопросов. Специально подчеркнем, что интегративная методология никоим образом не отрицает коммуникативной

методологии. Напротив, интегративная методология позволяет углубить проработку коммуникативной методологии. Интегративная методология, по нашему мнению, составляет ядро всех составляющих методологии: когнитивной, коммуникативной и практической. Вышеназванные составляющие методологии представляют специально ориентированные под решение определенных задач приложения интегративной методологии.

В заключение коснемся еще одного вопроса. Мы уже обращали внимание на то, что все методологические вопросы являются взаимосвязанными. Центральным среди методологических понятий выступает понятие предмета науки. В неявном виде предмет присутствует в предложенной схеме. Без учета проблемы предмета очень сложно решить какую-либо другую методологическую проблему. Например, разработка проблемы психологического объяснения и выявление его специфики предполагает обсуждение вопроса о предмете психологии (Мазилев, 2006а).

Ситуация с предметом вообще является источником постоянных недопониманий (Мазилев, 2006, с. 55–72). Действительно, в современной психологии мы имеем дело с «многоступенчатым» предметом («декларируемый», «рационализированный», «реальный») (Мазилев, 2003). Важно подчеркнуть, что, «закрывая» эту проблему (как часто и происходит),

мы лишаемся надежды на установление какого-либо взаимопонимания в психологии². Чтобы последние утверждения не показались излишней драматизацией ситуации, попробуем ее пояснить. Для иллюстрации воспользуемся работой Ж. Пиаже (Пиаже, 1966). Ж. Пиаже в главе, посвященной проблеме объяснения в психологии, замечает: «В самом деле, поразительно, с какой неосторожностью многие крупные психологи пользуются физическими понятиями, когда говорят о сознании. Жане употреблял выражения «сила синтеза» и «психологическая сила». Выражение «психическая энергия» стало широко распространенным, а выражение «работа» даже избитым. Итак, одно из двух: либо при этом в скрытой форме подразумевают физиологию и остается только уточнять, а вернее, измерять, либо говорят о сознании и прибегают к метафоре из-за отсутствия всякого определения этих понятий, сопоставимого с понятиями, которыми пользуются в сфере физических законов и физической причинности. В самом деле, все эти понятия прямо или косвенно предполагают понятие массы или субстанции, которое лишено всякого смысла в сфере сознания» (Пиаже, 1966, с. 190). Ж. Пиаже продолжает: «...понятие причинности не применимо к сознанию. Это понятие применимо, разумеется, к поведению и даже к деятельности; отсюда и разные типы причинного объяснения, которые мы различаем. Но оно не

---

²В настоящей работе не обсуждается конкретное содержание предмета психологии. Подробно об этом см.: Мазилев, 2007. Интересной представляется трактовка предмета психологии как внутреннего мира человека (Шадриков, 2005).

«подведомственно» сфере сознания как такового, ибо одно состояние сознания не является «причиной» другого состояния сознания, но вызывает его согласно другим категориям. Из семи перечисленных нами форм объяснения только абстрактные модели <...> применимы к структурам сознания именно потому, что они могут абстрагироваться от того, что мы называем реальным «субстратом». Причинность же предполагает применение дедукции к подобному субстрату, и отличием субстрата как такового от самой дедукции является то, что он описывается в материальных терминах (даже когда речь идет о поведении и деятельности). Более того (и это является проверкой наших предположений), трудности теории взаимодействия возникают именно от того, что она пытается распространить сферу действия причинности на само сознание» (Пиаже, 1966, с. 190). А это означает, что реальный предмет оказывается «разорванным» между двумя сферами, поэтому не стоит удивляться, что «одушевляющая связь» (И. Гете) также разрывается и «подслушать жизнь» (как всегда и бывает в таких случаях) не удастся. Остается заботиться о том, чтобы психическое в очередной раз не оказалось эпифеноменом: «Все это поднимает, следовательно, серьезную проблему, и для того, чтобы решение, состоящее в признании существования двух «параллельных» или изоморфных рядов, действительно могло удовлетворить нашу потребность в объяснении, хотелось бы, чтобы ни один из этих рядов не утратил всего своего функционального значения, а, напротив, чтобы стало понятным, по

крайней мере, чем эти разнородные ряды, не имеющие друг с другом причинного взаимодействия, тем не менее дополняют друг друга» (Пиаже, 1966, с. 189). Конечно, Р. Декарт сделал для психологии много, создав методологическую возможность для появления современной психологии. Но абсолютизировать его вклад, вероятно, все же (в начале третьего тысячелетия) не стоит: дуализм позволил психологии стать *наукой*, но в настоящее время он мешает стать *подлинной наукой*, не только самостоятельной, но и самобытной (учитывая уникальность ее предмета). Психическое и физиологическое, таким образом, оказываются и в современной психологии разорванными, разнесенными. Дело даже не в том, что в этом случае возникает искушение, которое, как показала история психологической науки, было чрезвычайно трудно преодолеть на заре научной психологии: искушение причинно объяснить одно за счет другого. В современной науке научились противостоять такому искушению. Ж. Пиаже в уже цитированной нами работе отмечает: «Эти непреодолимые трудности толкают большинство авторов к тому, чтобы допустить существование двух различных рядов явлений, один из которых образован состояниями сознания, а другой — сопровождающими их нервными процессами (причем всякое состояние сознания соответствует такому процессу, а обратное было бы неверно). Связь между членами одного из рядов и членами другого ряда никогда не является причинной связью, а представляет собой их простое соответствие, или, как обычно говорят, «параллелизм» (Пиаже,

1966, с. 188). Здесь один шаг до признания психического эпифеноменом. Требуется усилие, чтобы удержаться от этого шага: «В самом деле, если сознание — лишь субъективный аспект нервной деятельности, то непонятно, какова же его функция, так как вполне достаточно одной этой нервной деятельности» (Пиаже, 1966, с. 188). Дело в том, что подобного рода разрыв между психическим и физиологическим на две «параллельные» сферы произведен таким образом, что делает психическое безжизненным, лишенным самодвижения (в силу постулируемой простоты психического). Поэтому психическое необходимо подлежит «объяснению», за счет которого психика и должна получить «движение»: оно будет внесено извне, за счет того, «чем» именно психическое будет объясняться («организмически» или «социально», принципиального значения в данном случае не имеет). Иначе при этой логике и быть не может (ведь неявно предполагается, что предмет «внутренне простой»). Это представляется роковой ошибкой. На самом деле психическое существует объективно (как это убедительно показано еще К.Г. Юнгом), имеет собственную логику движения. Поэтому известное правило Э. Шпрангера «*psychologica — psychological*» (объяснять психическое через психическое) является логически обоснованным: если психическое имеет свою логику движения, то объяснение должно происходить «в пределах психологии» (для того, чтобы сохранить качественную специфику психологического объяснения). Обратим внимание на то, что подход

К.Г. Юнга к объяснению психической реальности кардинально отличается от редуccionистского объяснения. Достаточно сравнить традиционный редуccionистский подход с юнговским методом амплификации. Амплификация — часть юнговского метода интерпретации. «С помощью ассоциации Юнг пытался установить личностный контекст сновидения; с помощью амплификации он связывал его с универсальными образами. Амплификация предполагает использование мифических, исторических и культурных параллелей для того, чтобы прояснить и обогатить метафорическое содержание символов сновидения... Говоря об амплификации, Юнг сравнивает ее с плетением «психологической ткани», в которую вплетен образ» (Сэмьюэлз и др., 1994, с. 19). Как заметил в свое время Уильям Джемс, психика «заранее приноровлена» к условиям жизни, поэтому, возможно, «логика объяснения» должна быть не причинно-следственная, «сводящая», а иная...

Все трудности, которые зафиксированы в работе Ж.Пиаже, имеют общее «происхождение»: современная научная психология до сих пор неудачно определяет свой предмет. Как представляется, новое понимание предмета, свободное от вышеуказанных недостатков, сделает проблему редуccionизма в психологии неактуальной.

Возвращаясь к основной теме статьи, отметим, что, по нашему мнению, разработка интегративной методологии является на настоящий момент наиболее актуальной задачей в области методологии психологической науки.

Литература

- Волков И.П.* Какая методология нужна отечественной психологии, кому и зачем? // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003.
- Выготский Л.С.* Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собр. соч. М., 1982. Т. 1. С. 291–436.
- Гараи Л., Кечке М.* Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 86–96.
- Зинченко В.П.* Преходящие и вечные проблемы психологии // Труды Ярославского методологического семинара: Методология психологии. Ярославль, 2003. С. 98–134.
- Мазилев В.А.* Методология психологической науки. Ярославль, 2003.
- Мазилев В.А.* Психология на пороге XXI века: методологические проблемы. Ярославль: МАПН, 2001.
- Мазилев В.А.* Теория и метод в психологии. Ярославль, 1998.
- Мазилев В.А.* Методологические проблемы психологии. Ярославль: МАПН, 2006.
- Мазилев В.А.* Методология психологии. Ярославль, 2007.
- Мазилев В.А.* К проблеме объяснения в психологии // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2006а. Вып. 2 (12). С. 9–19.
- Мазилев В.А.* О предмете психологии // Методология и история психологии: Научный журнал. 2006. Т. 1. Вып. 1.
- Пиаже Ж.* Характер объяснения в психологии и психофизиологический параллелизм // П. Фресс, Ж. Пиаже. Экспериментальная психология. М.: Прогресс, 1966. Вып. 1, 2. С. 157–194.
- Смиркин А.Г., Юдин Э.Г., Ярошевский М.Г.* Методология // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 359–360.
- Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф.* Критический словарь аналитической психологии К. Юнга. М.: ЭСИ, 1994.
- Телятников Г.В.* Методология и теория психологических наук. Тверь: ТИЭП, КИЭП, 2004.
- Тютюнник В.И.* Основы психологических исследований. М., 2002.
- Шадриков В.Д.* Мир внутренней жизни человека. М.: Университетская книга, 2005.
- Ach N.* Ueber die Willenstatigkeit und das Denken: Eine experimentelle Untersuchung mit einem Anhang: Ueber das Hippsche Chronoskop. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1905.
- Mazilov V.A.* About Methodology of Russian Psychology of Today // Psychological Pulse of Modern Russia. Moscow-Jaroslavl: International Acad. of Psychology, 1997. P. 126–134.